
ЗАМЫСЕЛ ПОЭМЫ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

1

квозь «хрестоматийный глянec», густо наложенный на поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», трудно разглядеть некоторые ее особенности, прежде всего крайнюю странность ее замысла.

Замысел этот четко намечен в «Прологе» поэмы. Семеро крестьян затевают спор о том, каким группам населения «на Руси жить хорошо», и в совокупности как будто совершенно правильно определяют эти группы. Но, не знакомые с жизнью верхних слоев общества, они решают совместно выяснить, «кому живется весело, вольготно на Руси», и для этого опросить представителей всех названных групп.

Пока здесь нет еще ничего странного, кроме разве того, что все спорящие принимают презумпцию, согласно которой хорошо живется лишь одному из названных кандидатов — то есть либо помещику, либо чиновнику и т. д., — в результате чего и возникает спор, переходящий в жестокую драку. Но это — условность, мотивирующая дальнейшее путешествие спорщиков и мотивированная фольклорно-сказочным колоритом пролога. Вообще же не было бы, кажется, ничего странного, если бы поэт захотел показать «вольготную» жизнь господствующих классов как бы увиденной глазами самого народа и судимой его судом, подобно тому как это сделал впоследствии Лев Толстой в «Плодах просвещения». Революционно-демократический поэт мог бы воспользоваться таким приемом, чтобы показать контраст между «счастьем» сытых тунеядцев и несчастьем обиравемого и унижаемого ими голодного и нищего народа. Это кажется настолько естественным, что иногда первоначальный план поэмы так и характеризуют, как пред-

усматривавший «изображение счастливых представителей дармоедства во всех его видах».¹

Но Некрасов не пошел по этому пути.

Странность его замысла состоит в том, что никто из опрашиваемых кандидатов в счастливые не признает себя счастливым и каждый убеждает опрашивающих странников в том, что не он тот счастливец, которого они ищут. А поскольку среди низших слоев уже заведомо нет счастливых, их, значит, нет ни в одном слое общества.

Убедимся прежде всего в том, что замысел поэта был действительно таков.

В написанных частях поэмы из предполагаемых счастливцев опрошены лишь поп и помещик, в черновике еще чиновник. Все они считают себя несчастными. Но ведь нелепо было бы предположить, что по замыслу поэмы несчастливая доля попа, помещика и чиновника должна была быть противопоставлена счастливой доле купца, министра или царя. Значит, несчастливы и они.

Замысел Некрасова документирован мемуарным свидетельством Глеба Успенского, не вызывающим никаких сомнений в своей правдивости.

Глеб Успенский так передает свой разговор с Некрасовым:

«Однажды я спросил его:

— А каков будет конец «Кому на Руси жить хорошо»?

— А вы как думаете?

Н. А. улыбался и ждал.

Эта улыбка дала мне понять, что у Н. А. есть на мой вопрос какой-то непредвиденный ответ, и, чтобы вызвать его, я наудачу назвал одного из поименованных в начале поэмы счастливцев.

— Этому? — спросил я.

— Ну вот! Какое там счастье!

И Н. А. немногими, но яркими чертами обрисовал бесчисленные черные минуты и призрачные радости названного мною счастливца.

— Так кому же? — переспросил я.

И тогда Н. А., вновь улыбнувшись, произнес с расстановкой:

---

¹ Прокшин В. Г. Из творческой истории эпопеи «Кому на Руси жить хорошо» (По материалам рукописей). — В кн.: О Некрасове. Статьи и материалы. Ярославль, 1971, с. 168.

— *Пья-но-му!*

Затем он рассказал, как именно предполагал окончить поэму. Не найдя на Руси счастливого, странствующего мужика возвращаются к своим семи деревням: Горелову, Неелову и т. п. Деревни эти «смежны», стоят близко друг от друга, и от каждой идет тропинка к кабаку. Вот у этого-то кабака встречаются они спившегося с кругу человека, «подпоясанного лычком», и с ним, за чарочкой, узнают, кому жить хорошо.

Это окончание поэмы в литературных кругах известно, по всей вероятности, не мне одному. Сообщаю его для провинциальных читателей.¹

Подобный финал, очевидно, означает, что в стране, где нет подлинного счастья, возможно лишь иллюзорное счастье, символом которого и является счастье пьяного.

Успенский не раскрывает, кого из предполагаемых счастливых он назвал Некрасову. Прав, я полагаю, С. А. Червяковский, указавший, что «Успенский, по всей вероятности, назвал царя» и что «не случайно «счастливцев» здесь прямо не назван», так как это «было рискованным».²

Цензурный характер умолчания Успенского очевиден: любой другой кандидат мог быть назван прямо. А уж если и царь несчастлив, что же говорить о прочих кандидатах?

Другой мемуарист — А. А. Шкляревский — вспоминает об аналогичном разговоре с Некрасовым. Он обратился к Некрасову с тем же вопросом, и поэт так же ответил вопросом на вопрос: «А кому, вы полагаете?»

Шкляревский не стал искать кандидата среди указанных в поэме, а сказал, «что лучшего житья никому нет, как лакеям всех сортов и видов». На это Некрасов заметил, что «порою и им крепко достаётся, так что как порассудить, то на белом свете не хорошо жить никому».³

---

¹ Успенский Г. И. «Кому на Руси жить хорошо» (Письмо в редакцию). — Успенский Г. И. Полн. собр. соч. М., 1953, т. 6, с. 179—180.

² Червяковский С. А. Творческая работа Некрасова над поэмой «Кому на Руси жить хорошо». — Труды Горьковского пед. ин-та, вып. 8, 1940, с. 22.

³ Шкляревский А. Из воспоминаний о Н. А. Некрасове. — «Нива», 1880, № 48, с. 773—774.

По свидетельству Н. К. Михайловского, «Некрасов хотел кончить поэму «Кому на Руси жить хорошо» иронически-скорбным ответом: „хмелю“».¹

Нелишним будет установить время бесед, в которых Некрасов так намечал конец своей поэмы. В. В. Гиппиус основательно датирует разговор Успенского с Некрасовым периодом 1872—1874 годов.² Шкляревский сам датирует свой разговор февралем 1875 года.

Указание Михайловского, ближайшего сотрудника журнала Некрасова «Отечественные записки», сделано после смерти поэта. Таким образом, намерение Некрасова закончить поэму символом всеобщего несчастья не является ранним, вскоре отпавшим намерением.

Даже начиная работать над «Пиром на весь мир», Некрасов еще держался такого направления заключительной мысли. Л. А. Евстигнеева справедливо пишет о «Пире»: «Как показывают черновые наброски, вначале он был связан с мыслью о невозможности счастья на Руси.

Нет на Руси счастливого,
Напрасно вы измучитесь.
Да и не может быть,—

уверяют вахлаки странников. Начиная работать над главой, Некрасов исходил из общей для всех предыдущих глав мысли: нет и не может быть счастливого на Руси».³

Итак, Некрасов положил в основу поэмы мысль о том, что сильные мира сего, включая самого царя,— совсем не счастливые люди. В чем же смысл такого тезиса? Впервые К. И. Чуковский поставил этот вопрос и предложил свое решение. Он утверждает, что выставленный поэтом замысел не является подлинным замыслом поэмы, а псевдозамыслом, сочиненным для цензуры. «Когда в своей поэме,— пишет К. И. Чуков-

---

¹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. СПб., 1909, т. 7, с. 22.

² Гиппиус В. В. К изучению поэмы «Кому на Руси жить хорошо».— Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, с. 303.

³ Евстигнеева Л. А. Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».— В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. М., 1971, с. 397.

ский,— он (Некрасов.— Б. Б.) изображал дело так, будто он и вправду хочет дознаться, счастливы ли в России сановники, министры, купцы и помещики, это была, так сказать, дымовая завеса для прикрытия истинного сюжета поэмы. <...> Весь поставленный в этой поэме вопрос — кому на Руси жить хорошо — нельзя не признать маскировкой подлинной некрасовской темы: как глубоко несчастлив народ, «благодетельствованный» крестьянской реформой». ¹ С таким объяснением замысла поэмы нельзя согласиться. Некрасов был певцом народного горя и писал о нем, не прячась за какие-то защитные темы. Он и в поэме развивает тему «бедствий народных» не под прикрытием объявленного замысла, а независимо от него, причем особенно резко в трех частях, следующих за первой, а ведь в этих частях тема счастья господ отсутствует (если не считать фиктивного счастья дурачимого «последыша»). Да и почему, чтобы угодить цензуре, надо было выдумывать псевдосюжет о том, что все население страны несчастно? Цензуре ведь хотелось обратного: чтобы писатели изображали все классы русского общества благоденствующими. ²

Иную, но столь же неубедительную концепцию развивает В. А. Архипов в своей книге «Поэзия труда и борьбы», изданной в 1961 году и переизданной в 1973 году без всяких изменений. Согласно В. А. Архипову, поэма «Кому на Руси жить хорошо» — «это поэма о побеждающей русской революции»; «60—70-е годы (сложившаяся революционная ситуация 1859—1861 годов) дали Некрасову возможность поставить идею крестьянской революции на прочную реальную основу». По Архипову, в эту пору все уже понимали неизбежность крестьянской революции, и поэтому представители привилегированных классов не могли жить не только счастливо, но и сколько-нибудь спокойно в ожидании революции. «Помещик и купец, поп и чиновник, царь и министры — едино суть,— пишет В. А. Архипов.— Им всем не сладко живется. Не сладко потому, что идея

---

¹ Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. М., 1971, с. 695—696.

² Подробнее см. в моей ст.: «Об изучении эзопова языка Некрасова». — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. Ярославль, 1977, с. 10—12.

революции зреет в сознании народа».¹ Таким образом, по Архипову, господствующие классы в самом деле несчастны.

Такая концепция не имеет подтверждений ни в тексте поэмы, ни в истории России. Крестьянская революция в эту пору не могла стать «побеждающей». Революция вообще смогла победить лишь под руководством пролетариата, через полвека.

Конечно, крестьянские волнения сильно тревожили помещиков и правительство, оперативно подавлявшее разрозненные «беспорядки» посредством воинских команд, но в близкую возможность победоносной революции верило лишь небольшое число интеллигентов революционной ориентации. Представлять рядового купца или чиновника той поры охваченными ужасом перед со дня на день ожидаемой революцией, а крестьянскую массу жаждущей революции и готовой принять в ней немедленное участие — это значит сочинять фантастическую историю России вместо подлинной.

Естественно, что к анализу текста поэмы В. А. Архипов почти не прибегает, а если и прибегает, то с полным, я бы сказал, извращением его прямого смысла. Так, в доказательство изначальной ненависти семи мужиков ко всем названным ими кандидатам в счастливицы Архипов приводит то, что они бьют Луку за «его холуйство перед попами», а Прова «утюжат» за преклонение перед царем: его учат, «как надо относиться к царю».² Однако ведь Луку «тузит» Демьян, которого по той же логике надо считать «холуем» чиновников, а Прова «утюжат» братья Губины, которые «холуиствуют» перед купцом. Непонятно и то, почему предположение, что полу, помещику и т. д. «на Руси жить хорошо», является «холуйством» перед ними.

Некрасов не закрывал глаза на монархические иллюзии тогдашнего крестьянства. Черновые строки, относящиеся к встрече странников с царем, гласят:

---

¹ Архипов В. А. Поэзия труда и борьбы. Очерки творчества Н. А. Некрасова. Ярославль, 1961, с. 311, 230 и 301.

² Там же, с. 289, 290, 300.

Глядели, любовались
И с умилением думали:
«Дойдем и до тебя».¹

(III, 451)

Трудно понять В. А. Архипова. Он словно бы рассчитывает на читателя, не знакомого с поэмой Некрасова.

Итак, и концепция В. А. Архипова неприемлема.

Наиболее научно корректным представляется объяснение замысла поэмы, предложенное (правда, мелко) В. Е. Евгеньевым-Максимовым. Оно состоит в том, что господствующие классы не признают себя счастливыми, их обделила и обидела крестьянская реформа. «Материальное благосостояние кандидатов на счастье поколеблено, они категорически отказываются признать себя счастливыми», — пишет Евгеньев-Максимов.²

Однако и это объяснение нельзя считать правильным. Если помещик в посвященной ему главе поэмы действительно считает себя несчастным из-за отмены крепостного права, если в речи попа имеется подобный мотив, хотя и не главный, то уж купец никак не мог быть недовольным реформой. Что буржуазия только выиграла во всех отношениях от падения крепостного права — это истина не только бесспорная для нас, но и вполне ясная в эпоху создания поэмы Некрасова. Сомнительно, чтобы несчастной из-за падения крепостного права чувствовала себя и бюрократия, получившая полную власть над большинством народа, до тех пор подчиненного, в основном, не ей, а помещикам. Но главное: в чем же мог бы заключаться идейный смысл поэмы, посвященной огорчениям господствующих классов, недовольных реформой?

Других попыток объяснить замысел, заявленный в прологе поэмы, кажется, нет, и, поскольку приведенные интерпретации неверны, вопрос остается без ответа.

---

¹ В. Т. Плахотишина усматривает в последней фразе «мысль о том, что рано или поздно угнетенный народ доберется до царя и расправится с ним по-своему» (Плахотишина В. Т. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Киев, 1956, с. 22.). Это яркий образец распространенного приема вырывать фразу из контекста, чтобы придать ей желательный смысл.

² Евгеньев-Максимов В. Е. Творческий путь Н. А. Некрасова. М.—Л., 1953, с. 238.

Если тезис К. И. Чуковского о замысле поэмы Некрасова как псевдозамысле очевидно несостоятелен, самая мысль о том, что основная тема поэмы — не печали привилегированных классов, а горести и бедствия народа, представляется бесспорной и широко бытует в некрасоведении. Тема отсутствия счастья в народной жизни уже в первой части поэмы превалирует над темой господских огорчений, а в дальнейших частях и совсем вытесняет ее.

Однако и такая постановка вопроса о счастье — то есть возможности счастья в народной массе — представляется странной: незачем было крестьянам покидать свои Разутовы, Гореловы, Нееловы, чтобы узнать, счастливы ли крестьяне. А уж если «втемяшилась в башку» такая идея, так ведь еще в 4-й главе первой части странники пришли к твердому выводу, что мужицкого счастья им не для чего искать:

Эй, счастье мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями,
Проваливай домой!

(III, 61)

Однако в «Последыше» свою цель странники прямо формулируют как поиски крестьянского счастья:

«Мы ищем, дядя Влас,
Непоротой губернии,
Непотрошенной волости,
Избытка села!..»

(III, 95—96)

А затем странники идут расспрашивать о счастье крестьянскую женщину, хотя не могут не знать, что бабье счастье еще менее заслуживает расспросов, чем мужичье. Надо ли было так долго толковать с Матронею Тимофеевной, чтобы установить, что «не дело между бабами счастливую искать»? Когда странники спорят о том, вольготно ли живется помещику, чиновнику и прочим, здесь грамматическое единственное число — собирательное. Речь идет, конечно, не о том, найдется ли среди помещиков, чиновников и прочих человек, довольный жизнью, а о том, счастлив ли класс помещиков, сословие попов и т. д. Только так может ставиться вопрос и в отношении крестьян: отдельные

лица, которым повезло в жизни и которые довольны ею, могут найтись в любом классе общества,— вопрос о том, каково живется классу крестьянства. Как справедливо подчеркивает С. А. Червяковский, странники «ищут коллективного счастья народа, а не счастья одиночек».¹ А крестьянам без расспросов должно быть ясно, что крестьянству живется не весело и не вольготно.

Таким образом, вся затея оказывается непонятной.

Впрочем, находятся исследователи, которые и поиск счастливого среди мужиков объявляют рациональным и результативным. По мнению В. Г. Прокшина, «образами счастливых являются образы Якима Нагого, Ермилы Гирина, Матрены Тимофеевны, Савелия Корчагина, Власа Ильича, Кудеяра, предвосхищавшие некоторыми своими чертами героический характер народного заступника. Рассказ о Савелии, богатыре святорусском, мотивирован словами героини: «Грех промолчать про дедушку, счастливцев тоже был...» Так можно сказать о каждом названном здесь лице. Все это своеобразные «счастливыцы». Ермил Гирин и Матрена Тимофеевна прославлены счастливыми молвой народной. Огромной любовью и доверием пользуются Яким Нагой, Влас и Кудеяр. В легенде «О двух великих грешниках» Кудеяр признан всех святых, а значит, и всех счастливей. Образами шести названных героев из народной среды поэт вплотную подводит нас к тому пониманию человеческого счастья, которое свойственно народному заступнику».²

В. Г. Прокшин не ставит вопроса о том, почему же странники разошлись с ним в оценке счастливых из народа, почему сами эти счастливыцы не признали себя таковыми. И опять-таки, какой же идейный смысл в признании того, что счастливых надо искать не среди богатых и чтимых, а среди бедных и неправых?

Приходится признать, что на каком-то этапе работы над поэмой замысел опросить хозяев жизни, счастливы ли они, совсем отпал или был резко отодвинут.

---

¹ Червяковский С. А. Из творческой работы Некрасова над поэмой «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: О Некрасове (Сборник статей). Ярославль, 1958, с. 71.

² Прокшин В. Г. О структуре эпопеи «Кому на Руси жить хорошо». — Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1976, № 4 (94), с. 76.

На каком же этапе это произошло? У современных исследователей заметна тенденция относить изменение замысла почти что к самому началу работы над поэмой. Указывают, что уже во 2-й главе первой части — «Сельская ярмонка» — Некрасов свернул с намеченного пути.

«Из тех, кто назывались счастливыми в первоначальном споре,— пишет В. Г. Прокшин,— на ярмарке скорее всего можно было встретить купца или чиновника».¹ В самом деле, где же легче встретить купца, чем на ярмарке? И чиновников тут было достаточно. Сказано ведь:

Акцизные чиновники
С бубенчиками, с бляхами
С базара пронеслись.

(III, 42)

Некрасов же не сводит своих странников ни с купцом, ни с чиновником, но повествует в этой и двух соседних главах о множестве народных судеб.

Этот факт бесспорно должен быть принят во внимание, но он не свидетельствует об отказе от заявленного замысла почти сразу после его фиксации. Ведь первую часть завершает глава «Помещик», а в 1870 году, то есть через пять лет после завершения первой части поэмы, Некрасов спрашивает А. М. Жемчужникова, стоит ли, по его мнению, продолжать работу над ней, и добавляет: «Еще впереди две трети работы» (11, 166). Две трети, очевидно, по числу запланированных встреч: из шести остались четыре.

Но Некрасов сошел с этого пути. В 1872 году он написал «Поседыша», в 1873 году — «Крестьянку», которая, правда, заканчивается советом Матрены Тимофеевны странникам не сбиваться с плана и провести те опросы, которые были намечены:

Идите вы к чиновнику,
К вельможному боярину,
Идите вы к царю,

---

¹ Прокшин В. Г. О композиционно-сюжетных особенностях эпопеи «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: «Некрасовский сборник». Л., 1967, т. 4, с. 99. См. также: Груздев А. И. О композиции поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Истоки великой поэмы. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Ярославль, 1962, с. 142.

А женщин вы не трогайте,—
Вот бог! ни с чем проходите
До гробовой доски!

(III, 194)

В том же 1873 году, когда писалась «Крестьянка», Некрасов работает над главой о чиновнике, в которой чиновник, так же как поп и помещик, рассказывает странникам, как печальна его жизнь.

Не раз указывалось на то, что в черновиках поэмы есть несколько строк, относящихся к встрече странников с царем, или такие стихи, как

Зимой в далеком Питере
Нежданно наши странники
Наткнулись на служивого...

(III, 451)

Значит, Некрасов и после первой части пытался вне основного русла, по которому пошла поэма, создавать какие-то ситуации, связанные с замыслом, обозначенным в прологе, но терпел в этом неудачу. Причины этой неудачи могут быть уяснены только после раскрытия того, какой идейный смысл имел для Некрасова замысел его поэмы. Но то, что Некрасов уже в начале поэмы от опроса попа сразу перешел к широкой панораме народной жизни, доказывает не отказ от первоначального замысла, а только более широкий характер этого замысла. Очевидно, с самого начала замысел не ограничивался вопросом о счастье обеспеченных. Не было двух замыслов — первоначального и заменившего его нового. Был единый двухчастный замысел, одна часть которого, зафиксированная в прологе, впоследствии отпала. Исследование должно выяснить — хотя бы гипотетически — причины распада замысла, но этот замысел может быть понят только как единый.

3

Как же понимать этот замысел? Для чего было ставить вопрос, счастливы ли привилегированные классы, и как можно было запланировать отрицательный ответ на этот вопрос?

Объяснения, предложенные исследователями до сих пор, как мы уже видели, совершенно несостоятельны.

Эти объяснения при всей их разнородности имеют общую базу. Они исходят из того понимания счастья, которое присуще самим опрашиваемым представителям

господствующих классов. Это, правда, естественно, поскольку такое понимание свойственно и опрашивающим их странникам.

Первый опрос начинается с установления критериев счастья. Поп говорит:

«В чем счастье, по-вашему?
Покой, богатство, честь —
Не так ли, други милые?»
Они сказали: так...

(III, 21)

И тот же критерий счастья у другого попа, рассказывающего странникам о Ермиле Гирине:

Да! был мужик единственный!
Имел он все, что надобно
Для счастья: и спокойствие,
И деньги, и почет...

Однако теперь в тот же перечень вносится новый критерий — этический. Священник продолжает:

Почет завидный, истинный,
Не купленный ни деньгами,
Ни страхом: строгой правдою,
Умом и добротой!

(III, 71)

Если элиминировать этическую сторону дела и считать счастливыми богатых, знатных, беззаботных бездельников, заглавный вопрос поэмы сведется к тавтологии: «Счастливы ли счастливые?», а ответ — к парадоксу: «Счастливые несчастливы». И почему это так — понять невозможно: ведь «покой, богатство, честь» были уделом множества людей в верхних сословиях.

К. И. Чуковский пишет:

«Писатель, который постоянно твердил:

Два лагеря, как прежде, в божьем мире:
В одном рабы, властители в другом,—

не мог допытываться вместе со странниками, «кому живется весело, вольготно на Руси», ибо во всех его произведениях, на протяжении всей его жизни, на этот вопрос всегда, неизменно давался один и тот же четкий и внятный ответ. В поэме «Несчастные» он говорил о Петербурге и его богатых районах:

...Пышны в нем
Театры, улицы, жилища
Счастливец мира...

Здесь не было случайной обмолвки: через все его книги проходит уверенность в том, что представители привилегированных классов есть узурпаторы счастья обездоленных масс, и потому он неизменно зовет их счастливыми:

Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...»¹

Здесь слово «счастливые» действительно имеет то значение, которое придает ему К. И. Чуковский; но это значение компрометируется контекстом:

Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

(II, 14)

«Покой, богатство, честь» — такое счастье «владелец роскошных палат» имеет, но это — позорное счастье.

Цитируя из стихов Некрасова такие места, где слова «счастливые», «счастливыцы» обозначают богатых и знатных, К. И. Чуковский умалчивает о других значениях слова «счастье» и производных от него.

Когда Некрасов пишет:

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна,—

(II, 275)

речь идет явно не о счастье богатого бездельника. Две концепции счастья и, в связи с ними, выбор между двумя жизненными путями — это одна из ведущих тем поэзии Некрасова. Счастью фальшивому, «призрачному», как любили выражаться просветители, противопоставляется подлинное счастье. Всего декларативнее это противопоставление дано в «Песне Еремушке». В песне няни обрисовано понимание счастья как «покоя, богатства, чести» и начертан путь, ведущий к такому счастью. В песне «проезжего» идеалы няни отвергаются. «Будь счастливей», — призывает «проезжий» и рисует то счастье, которого желает Еремушке. Оно в том,

¹ Чуковский К. И. Мастерство Некрасова, с. 694—695.

чтобы «возлелеять» в душе «человеческие стремления», с которыми человек «рожден природою»:

Братством, равенством, свободою
Называются они...

(II, 19)

Пойдя по этому пути, Еремушка

Над неправдою лукавою
Грянет божьею грозой...

(II, 20)

Таков путь к счастью человека, развившего в себе «человеческие стремления», — «разумного эгоиста».

В «Пире на весь мир» есть два полярно противоположных счастливица. Пан Глуховский счастлив не только тем, что имеет все, что «читит»: «женщину, золото, честь и вино», но и тем, что своих «холопов» «мучит, пытается и вешает». А Гриша Добросклонов счастлив тем,

Что будет жить для счастья
Убогого и темного
Родного уголка...—

(III, 238)

и тем, что в своих стихах воспекает «воплощение счастья народного».

Очевидно, что при столь разных критериях счастья никакого общего вывода о счастье на Руси сделать невозможно. Очевидно, что счастье Глуховских в счет не идет: о таком счастье нечего расспрашивать.

Счастливец в поэме должен быть установлен путем опросов; однако в этот ранг не возводятся те, кто сами себя считают счастливыми. Вспомним галерею простых людей, объявляющих себя счастливыми: один — потому, что не погиб, постоянно охотясь на медведей, другой — потому, что остался жив на войне и в солдатчине, третий — потому, что вволю ест хорошего хлеба, четвертый — потому, что, обладая большой силой, неплохо зарабатывает и т. д.

Но не устаиваются звания счастливица и те, кого считает счастливым общественное мнение крестьянского мира, с которым естественно согласиться и семи странникам. В этом плане особенно любопытна история Ермила Гирина. Его считает счастливым широкий круг

народа. О нем говорит странникам крестьянин Федосей:

Коли Ермил не выручит,
Счастливец не объявится,
Так и шататься нечего...

(III, 61—62)

При этом, как я уже указал, здесь соединяются и материальные и моральные критерии счастья. Казалось бы, счастливец найден, но Некрасов обрывает эту версию. Оказывается, Гирин сидит в тюрьме за то, что отказался уговаривать крестьян не бунтовать, когда «сам государев посланный» обратился к нему за поддержкой по инициативе волостного писаря:

Хотели уж солдатикам
Скомандовать: пали!
Да волостному писарю
Пришла тут мысль счастливая,
Он про Ермилу Гирина
Начальнику сказал:
«Народ поверит Гирину,
Народ его послушает...»
— «Позвать его живей!»

(III, 72)

Закон не мог обязать частное лицо к подобному выступлению, так что тюремное заключение Гирина вряд ли могло быть длительным.¹

Если бы Некрасов хотел признать счастливым человека типа Гирина, он мог бы не вводить тюремный эпизод.

Конечно, Некрасов хочет этим эпизодом показать, что счастью на Руси препятствует угнетение народа, так или иначе лишаящее счастья сочувствующих народу людей, но сейчас я хочу обратить внимание на то, что признанному народом счастливицу семь странников не присваивают этого звания.

По своему социальному положению владелец мельницы, купивший ее за три тысячи рублей, — купец. По происхождению Ермил Гирин крестьянин, но купцы

¹ Текст поэмы не дает никаких оснований видеть в Ермиле Гирине «предводителя крестьян», восставших в деревне Столбняки, проявляющего в этом деле «умение руководить, организовать протестующую массу» (Соколов В. Б. От крестьянской утопии к образу пореформенной России (Алексей Потанин и Ермил Гирин). — Уч. зап. Калинингр. гос. ун-та. Вып. 5, 1970, с. 104).

ведь, как правило, были выходцами из крестьянства. Признав счастливым Гирина, поэт должен был бы объявить счастливым купца, что никак не входило в план поэмы. Счастье купца, нажившего — пусть и законным путем — изрядный капитал, пусть и порядочного, справедливого, доброго человека, — это не то счастье, которое могло разрешить спор странников, потому что это счастье не того плана, который имел в виду поэт.

Очевидно, понять замысел поэмы вне авторской концепции счастья нельзя.

Вопрос о возможности счастья для людей из обеспеченных слоев населения — не случайный и не надуманный вопрос. Ответ на этот вопрос мы находим в сочинениях демократов-просветителей, и ответ этот всегда одинаков. Приведу несколько цитат, количество которых можно было бы и умножить:

«Любовь и доброжелательство (способность радоваться счастьем окружающих нас людей и огорчаться их страданиями) так же врождены человеку, как и эгоизм. Кто действует исключительно по расчетам эгоизма, тот действует наперекор человеческой природе, подавляет в себе врожденные и неискоренимые потребности. (...) Голодный человек, конечно, не может чувствовать себя хорошо; но и сытый человек не чувствует себя хорошо, когда вокруг него раздаются несносные для человеческого сердца стоны голодных».¹

«Наше счастье невозможно без счастья других».²

«...Это одно и натурально, одно и по-человечески; просто по-человечески — «я чувствую радость и счастье» — значит «мне хочется, чтобы все люди стали радостны и счастливы» — по-человечески (...) эти обе мысли одно».³

«...В каких бы благоприятных условиях ни стоял человек, он не может быть вполне счастливым, если его окружают несчастливые».⁴

«Когда удовлетворены твои потребности, является страстное желание сделать всех счастливыми».⁵

---

¹ Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. — Полн. собр. соч. М., 1947, т. 3, с. 230.

² Чернышевский Н. Г. Что делать? Л., 1975, с. 9.

³ Там же, с. 61.

⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Дневник провинциала в Петербурге. — Собр. соч. М., 1970, т. 10, с. 380.

⁵ Помяловский Н. Г. Молотов. — Соч. М. — Л., 1965, т. 1, с. 263.

То же находим у философского учителя русских просветителей-демократов 60-х годов Людвиг Фейербаха:

«Счастливым может видеть вокруг себя лишь счастливых».¹

Революционные и даже просто оппозиционные настроения обычно вызывались прежде всего бедностью и бесправием широких масс народа. Эти переживания вызывали желание облегчить жизнь народа, сделать всех людей счастливыми. Для просветителей философской базой было учение о естественных стремлениях человека, среди которых одно из первых мест занимало стремление к общему счастью людей. Человек, у которого развито это стремление, удовлетворяя его, сам чувствует себя счастливым.

Эти тезисы безусловно совпадают с постоянными призывами Некрасова найти путь к подлинному, а не к мнимому счастью. Но каким образом это общепросветительское понимание счастья могло лечь в основу некрасовской поэмы о счастье?

Мы знаем, что по долго державшемуся замыслу счастливого не должно было оказаться. Это, очевидно, связано с коренной идеей, что не может быть счастья там, где несчастен народ. Вот почему показ народного горя органически входит в замысел поэмы.

Как уже показано выше, основа поэмы — не недовольство привилегированных классов своей жизнью, а бедственные условия жизни народа до и после реформы. Уже количественное соотношение строк, посвященных той и другой теме, ясно показывает, какая из этих тем главная.

Замысел показать невозможность счастья, когда вокруг люди несчастны, определеннее всего проявился и окончательно сложился в главе о чиновнике, над которой Некрасов работал, видимо, летом 1873 года, то есть одновременно с работой над «Крестьянкой», и в которой не продвинулся дальше предварительных набросков в прозе и немногих стихотворных отрывков.

Из «бедствий народных» Некрасов выбрал для этой главы самое губительное для крестьянской семьи бедствие — падеж скота:

---

¹ Фейербах Л. Основы философии будущего. М., 1937, с. 137.

Беда непоправимая,
Когда валиться лошади
У пахарей начнут...

(III, 448)

На борьбу с эпизоотией послан ветеринарный врач. Никакой возможности спасти заболевших животных и остановить распространение заразы он не имеет:

...Случаев
Выздоровленья не было
В разгар эпизоотии...

(III, 449)

И тут его застают семь странников и убеждаются, что и чиновник несчастлив.

Но ветеринар — не главный чиновник, опрашиваемый крестьянами. На тщетную борьбу с сибирской язвой прибыл сам исправник, начальник полиции уезда, и с ним-то странники ведут долгую беседу.

«После сцены сибирской язвы, — пишет Некрасов, — под утро, среди этой обстановки — вопрос крестьян к исправнику, рассказ его, которым я поканчиваю с тем мужиком, который утверждал, что счастлив *чиновник*».¹

Исправник жалуется не только на невозможность прийти на помощь крестьянской беде. Он говорит о своих нравственных страданиях от того, что сама его деятельность вносит горе и беду в народную жизнь. Речь его известна нам по предварительному наброску в прозе. Некрасов не стал перелагать его в стихи. Приведем отрывок:

«Как позовет тебя губернатор да даст приказ во что бы то ни стало к такому-то числу такую-то сумму очистить!.. Ну и едешь во все свое царство, в уезд, словно в воду опущенный, — знаешь, что везешь туда горе, слезы, и сколько этих слез и горя. <...> Зверем-то не всякий родится, даже редко, чтоб чувствовал удовольствие, как зубы валяются изо рта мужиков, борода редеет, да чтоб кричал, бранился. <...> А преступления? То и знай «не виноват», а ты его под кнут, а ты его в Сибирь» (3, 448).

---

¹ Некрасов Н. А. Стихотворения. Посмертное издание. СПб., 1879, т. 4, с. IXXXIX. В изд. «Б-ки поэта» текст воспроизведен неточно.

То, что глава, входящая в число наиболее обязательных по первоначальному замыслу, не была продвинута за пределы набросков, характерно и закономерно. Просветительский тезис, на котором она основана, не соответствовал ни революционным импульсам поэмы, ни художественной правде ее образов. Народолюбивый исправник, хотя и зверствующий над народом, но сам от этого страдающий, — образ, разумеется, крайне нетипичный.

В известной мере та же мысль о невозможности счастья в окружении несчастных выражена в главе «Поп» — в той части речи попа, где он говорит о том, как мучительно брать деньги за требы с полунищих людей. Однако этот мотив лишь завершает рассказ попа, в котором больше места уделено сетованиям на то, что с падением крепостного права кончилась и материальная поддержка духовенства помещиками, ныне обедневшими и покинувшими свои имения.

Совсем уже отсутствует просветительская идея в главе «Помещик», заканчивающей первую часть поэмы: Некрасов ведь вывел не «кающегося дворянина», не «либерала-идеалиста», любящего

В роскошно убранной палате
Потосковать о брате,¹

порисоваться своей скорбью о страданиях народа. Таких ведь немало описывала тогдашняя литература. Но Некрасов вывел иной — и, конечно, гораздо более характерный — тип. Никаких «человеческих стремлений» в этом помещике нет; дан образ ярого защитника эгоистических классовых интересов, выполненный с блестящим юмором и сатирической злостью. Помещик горюет не о том, что народу плохо, а о том, что жизнь народа стала лучше (если не в материальном, то хотя бы в моральном отношении). Образ помещика Гаврилы Афанасьевича, может быть, самый живой и полнокровный во всей поэме, но он, так сказать, хоронит ее первоначальный замысел. Недаром в создании поэмы наступает после этой главы такой длительный перерыв — на 7 лет. И кажется удивительным, что после возобновления работы Некрасов делает еще одну попытку на-

---

¹ Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л. (Б-ка поэта, Б. с.), 1960, с. 104. В тексте опечатка: «потолковать» (из варианта, с. 270).

писать главу в первоначальном направлении — главу о чиновнике, которая решительно не получилась.

В стихотворении «Элегия» Некрасов задает вопрос:

Народ освобожден, но счастлив ли народ?

(II, 420)

Ответом на этот вопрос являются две строки из стихотворения «Как празднуют трусую»:

В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедность, невежество, мрак...

(III, 310).

Эта постановка вопроса и этот ответ на него определяют основной мотив «Кому на Руси...».

Связь этой линии с намеченным в прологе сюжетным мотивом опроса представителей господствующих классов, по нашему мнению, определяется убеждением в том, что не может быть подлинного счастья там, где заведомо несчастна преобладающая часть народа. Некрасов, как мы видели, далеко не сразу отказался от попыток вести линию сюжета, начатую в прологе, однако, в окончательном тексте она сказалась лишь в 1-й главе первой части («Поп»). Но уже здесь эта тема сочетается с темами, противоречащими ей. А в главе «Помещик» от нее нет и следа, и дальше в окончательном тексте поэмы исчезает и сюжетный мотив — опрос представителей господствующих классов.

Когда исчезает эта тема, остается только тема «бедствий народных». Она определяет тематику трех дальнейших частей, хотя именно отпавшая первая тема должна была определять фабульный ход поэмы. Некрасов обошелся без сквозной фабулы, что было связано с особыми возможностями в области построения сюжета.

Мы не будем останавливаться здесь на особенностях композиции «Кому на Руси жить хорошо». Они прослежены в книге М. М. Гина «О своеобразии реализма Н. А. Некрасова». В частности М. М. Гин пишет:

«Тенденция к обзорности, к созданию произведений обзорного типа — широких и свободных, с бесфабульным принципом связи и организации художественного материала — характернейшая особенность поэзии Некрасова, проявляющаяся с каждым годом и десятилетием все с большей и большей определенностью. А это означает, что должны быть пересмотрены

и уточнены существующие представления о типе и характере сюжетности Некрасова».¹

Начиная со второй части «Кому на Руси...» тема народного горя отрешилась от темы счастья или несчастья привилегированных классов и стала воплощаться в отдельных поэмах, входящих в круг большой эпопеи.

Как же тема народного горя связана с намеченным в прологе фабульным мотивом опроса представителей господствующих классов?

Так как на вопрос о замысле «Кому на Руси...» не существует сколько-нибудь правдоподобного и логичного ответа, я позволю себе предложить гипотезу. Она заключается в том, что первоначальной мыслью Некрасова было художественно воплотить коренной просветительский тезис — «наше счастье невозможно без счастья других» и, значит, оно невозможно там, где вокруг раздаются стоны обездоленных. Но попытка художественно конкретизировать эту мысль отчетливо выявила самое уязвимое место просветительского мировоззрения.

Здесь просветителю приходится столкнуться с самой трудной и, в сущности, неразрешимой в пределах просветительского мировоззрения проблемой. С «человеческими стремлениями» рождаются все люди, но почему же строй жизни людей не соответствует и никогда не соответствовал этим стремлениям? С точки зрения просветителей, человек, работающий для блага народа, — эгоист, ибо он стремится удовлетворить самые глубокие желания своего существа. Но ведь такие эгоисты — одиночки в массе обыкновенных эгоистов, так что для эгоистов в специфически просветительском смысле приходится применить особый термин — «разумные эгоисты», то есть те, кто развитием разума пришел к пониманию подлинных, а не «призрачных» выгод, в то время как неразумные эгоисты стремятся удовлет-

---

¹ Г и н М. М. О своеобразии реализма Н. А. Некрасова. Петрозаводск, 1966, с. 127. См. также: К о р м а н Б. О. Лирика Н. А. Некрасова. Воронеж, 1964, с. 315—324; 2-е изд. Ижевск, 1978, с. 137—143. Дальнейшее развитие мысль об обзорности композиции и цикличности лирики и эпоса Некрасова получила в статьях: Л е б е д е в Ю. В. У истоков поэтического эпоса Н. А. Некрасова. — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. Сборник научных трудов. Вып. 3. Ярославль, 1976, с. 48—73; Л я п и н а Л. Е. Лирический цикл как художественное единство. — В кн.: Проблема целостности литературного произведения. Воронеж, 1976, с. 132—134.

ворить низменные и даже неестественные, «фантастические» потребности. И помещик, и поп, и чиновник рождены природою с «человеческими стремлениями», и, тем не менее, в их душах и в их поступках господствуют стремления отнюдь не «человеческие», страдания народа не заставляют их страдать, и ничто не мешает им жить «вольготно, весело».

В 1870 году Некрасов написал:

Зрелище бедствий народных
Невыносимо, мой друг;
Счастье умов благородных
Видеть довольство вокруг.

(II, 283)

Тут уже оговорка или уточнение: то счастье, которое просветитель считает общечеловеческим, пока что является только «счастьем умов благородных». «Купчине толстопузому», «вельможному боярину» такое понимание счастья было чуждо, и запланированный отрицательный ответ от каждого мог быть мотивирован лишь иными, притом разнородными причинами.

Среди заметок Некрасова к поэме имеется такая: «Купец умирает. Когда ему плохо, выдает по 3 к. на нищего, когда поотпустит, по 1 1/2» (3, 549).

Подобное объяснение отсутствия счастья — человек во всяком звании и общественном положении подвержен болезням и страданиям — явно чуждо идее поэмы, и неудивительно, что Некрасов и попытки написать главу о купце не сделал.

Просветительское мировоззрение было философской базой не только русской революционной мысли в до-марксистский период, но и базой либеральной мысли, и границы той и другой не были четко очерчены. Когда следовало апеллировать к развитию, просвещению, превращению все большего количества людей в «разумных эгоистов», а когда и в какой ситуации действовать революционным путем — границы были зыбкими, сочетания разнообразными, и колебания революционной мысли в сторону либерализма были возможны и осуществлялись у разных деятелей в разной степени.

Революционное чутье и художественный такт не позволили Некрасову осуществить грешащую либерализмом первоначальную концепцию поэмы.

Как известно, Некрасов мечтал закончить «Кому на Руси жить хорошо» и горько сожалел во время предсмертной болезни о невозможности сделать это. Вот что рассказывает А. С. Суворин:

«Большие надежды возлагал он на свою поэму «Кому на Руси жить хорошо». Уже больной, он раз говорил с одушевлением о том, что можно было бы сделать, „если б еще года три-четыре жизни. Эта такая вещь, которая только в целом может иметь свое значение. И чем дальше пишешь, тем яснее представляешь себе дальнейший ход поэмы, новые характеры, картины. Начиная, я не видел ясно, где ей конец, но теперь у меня все сложилось, и я чувствую, что поэма все выигрывала бы и выигрывала“».¹

А. А. Буткевич писала С. И. Пономареву 13 декабря 1878 года: «Поэма „Кому на Руси жить хорошо“ была любимым детищем брата; он часто во время болезни вспоминал о ней и еще незадолго до смерти сказал: „Одно, о чем сожалею глубоко, это — что не кончил свою поэму «Кому на Руси жить хорошо“»».²

Окончание поэмы должно было быть связано с Гришей Добросклоновым или людьми его типа. На это указывает письмо Некрасова к А. Т. Малоземовой от 2 апреля 1877 года.

Прочтя опубликованные части «Кому на Руси жить хорошо», сельская учительница Малоземова написала Некрасову письмо с опровержением основной мысли автора о том, что счастливых на Руси нет. Она писала, что чувствует себя счастливым человеком, несмотря на то, что стара, некрасива, бедна. Она счастлива тем, что посвятила свою жизнь народному благу, воспитывает из крестьянских детей людей «с сознанием человеческого достоинства»³ и отдает народу все свои силы.

Отвечая на это письмо, Некрасов писал: «Счастье, о котором Вы говорите, составило бы предмет продолжения моей поэмы — ей не суждено окончиться» (11, 413).

¹ Суворин А. С. Из «Недельных очерков и картинок». — Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971, с. 344.

² «Лит. наследство». М., 1949, т. 53—54, с. 190.

³ См.: Евгеньев-Максимов В. Н. А. Некрасов. М., 1914, с. 187—189.

Конечно, Малоземова и ей подобные не были революционерами, но Некрасов горячо сочувствовал всем проявлениям любви к народу и заботы о нем, да в легальной поэме он и не мог бы описать деятельность революционеров, а мог лишь намекать на нее, изображая «мирных» народников.

Напомню, что к 1876 году, когда писался «Пир на весь мир», относится переход народников от идеи «хождения в народ» к идее жизни в народе в качестве учителей, фельдшеров, конторщиков и т. д. с целью как пропаганды освободительных идей, так и разносторонней помощи трудовому крестьянству, облегчения его тяжелой жизни.

Так преобразовалась идея поэмы. Счастливые есть на Руси, это друзья народа, — от тех, которые скромно работают для его блага, до тех, которые готовы умереть за народ.

Словам окончательного текста:

...лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Что будет жить для счастья
Убогого и темного
Родного уголка —

(III, 238)

в рукописи соответствовал такой вариант:

...лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Кому отдаст всю жизнь свою
И за кого умрет...

(III, 407)

Обычно считается, что изменение текста было сделано Некрасовым из цензурных соображений, так же как и исключение — еще в черновике — четверостишия:

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

(III, 240)

Однако существует мнение, высказанное А. И. Груздевым, что эти изменения сделаны поэтом не по цензурным, или в основном не по цензурным, а по творческим, идейно-художественным соображениям, так как «стихи о страдательной судьбе Григория Добросклонова» не соответствуют новой концепции поэмы, сог-

ласно которой Гриша и есть искомый счастливец. «Некрасов устранил из «Пира...», — пишет А. И. Груздев, — не только стихи о чахотке и Сибири, но и мысль о возможности безвременной смерти Гриши, и, главное, — об отсутствии счастливого на Руси». А. И. Груздеву представляется несовместимым признание Григория Добросклонова счастливым с его «неизбежными страданиями и возможностью преждевременной гибели».¹

Полагаю, что А. И. Груздев недостаточно учел то понимание счастья, которое Некрасов положил в основу своей эпопеи и в особенности в главе «Пир на весь мир». Если истинно счастливый человек — это друг народа, в наивысшем качестве революционер, а в судьбе революционера ссылка, тюрьма, может быть насильственная смерть предвидимы, то слова о жертвах, которые он принесет делу, не противоречат признанию его счастливым.

Даже о грядущей насильственной смерти революционера Некрасов писал (примерно в те же годы, когда создавался «Пир...»):

Так мыслит он — и смерть ему любезна.

(II, 421).

Возражая А. И. Груздеву, А. М. Гаркави справедливо пишет: «Ведь истинным счастьем революционные демократы считали не удовлетворение личных потребностей, а самоотверженное служение общему благу. Без учета особенностей революционно-демократической этики нельзя, конечно, понять постановку вопроса о счастье в поэме „Кому на Руси жить хорошо“».²

Если бы судьба революционера противоречила тому пониманию счастья, которое развивает здесь Некрасов, революционер вообще не мог бы стать образом счастливого человека. Предположение, что слова о предстоящей судьбе Гриши связаны с прежней концепцией поэмы и несовместимы с новой, представляющей Григория искомым счастливым, — это предположение, по нашему мнению, неверное.

¹ Груздев А. И. О спорном четверостишии в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Вопросы истории русской литературы, Л., 1961, с. 188, 193 и 194.

² Гаркави А. М. К тексту поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: О Некрасове. Статьи и материалы. Вып. 2. Ярославль, 1968, с. 332.

Самый образ Григория Добросклонова, самый ввод в поэму этого нового персонажа связан с новым решением заглавного вопроса. Этому персонажу просто нечего было делать в поэме, пока концепция поэмы не изменилась. Все, что сказано о Грише Добросклонове начиная с черновых текстов, связано с новым, а не с прежним решением основного вопроса.

Это новое решение — то же, какое дал Чернышевский в своем романе «Что делать?». Оба произведения были задуманы в одно и то же примерно время, ставили один и тот же вопрос — о возможности счастья в тогдашней России для людей из обеспеченных классов, исходили из одинакового понимания счастья, но решали поставленный вопрос противоположным образом: Чернышевский утвердительно, Некрасов отрицательно. Герои Чернышевского счастливы и субъективно — в собственном сознании, и объективно — в оценке автора. Счастливы тем, что разумно мыслят и разумно живут: честно, плодотворно, стремясь быть полезными народу и делать, что могут, для возможно большего числа людей и для будущего счастья человечества, не отказывая себе при этом ни в каких радостях — разумных, конечно.

Чернышевский подчеркивает в романе, что его герои веселы и счастливы. И это постоянно отмечалось критикой. Н. И. Страхов даже назвал свою статью о романе «Что делать?» — «Счастливые люди».

Речь идет об обыкновенных, хотя и «новых», людях, но счастлив и «особенный человек» — революционер Рахметов. Сознание того, что он посвятил жизнь работе для будущего счастья всех людей, наполняет счастьем его душу.

Такое понимание счастья характерно не только для литературных персонажей. Вспомним хотя бы письмо Чернышевского к жене из сибирской каторги, в котором он говорит о своем отношении к своей судьбе: «За тебя я жалею, что было так. За себя самого я совершенно доволен. Я думал о других — об этих десятках миллионов нищих, я радуюсь тому, что без моей воли и заслуги придано больше прежнего силы и авторитета моему голосу, который зазвучит же когда-нибудь в защиту их».¹ Счастье героев Чернышевского — это «сча-

---

¹ Письмо от 12 января 1871 года. — Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Письма. М., 1949, т. 14, с. 504.

стье умов благородных». К пониманию возможности такого именно счастья приходит Некрасов в конце своей работы над «Кому на Руси жить хорошо».

Гриша Добросклонов — человек счастливый и в своем сознании, и по оценке автора. Но, если Некрасов мечтал продолжить и закончить поэму, Гриша Добросклонов и ему подобные должны были быть сведены с семью странниками и признаны счастливыми их решением.

Основной формальной связью между частями поэмы является участие в действии семи странников. В первой части и в «Крестьянке» они спрашивают о счастье; в других частях опросов нет, но семеро крестьян остаются на сцене: они видят все или слышат обо всем, они свидетели происходящего, —

Им дело до всего.

(III, 227)

Но в последней главе «Пира...» («Доброе время — добрые песни») героем становится Гриша Добросклонов. Его песен странники не слышат.

Есть предел центробежности: линия Гриши должна была либо соединиться далее с линией странников, либо оторваться от нее и начать новую поэму о революционно настроенном юноше и его дальнейшей судьбе. Поэма «Кому на Руси...» в этом случае, очевидно, была бы оборвана.

Но если бы это было так, мог ли бы Некрасов настаивать на печатании «Пира...», а не рассматривать его лишь как черновик? Мог ли бы он мечтать о таком продолжении поэмы, которое имеет в виду в письме к Малоземовой?

Г. В. Плеханов писал: «...у него (Некрасова. — Б. Б.) выходило так, что весело и вольготно живет в России только тем представителям радикальной интеллигенции, которые жертвуют собою для народа:

Быть бы нашим странникам под родною крышею,
Если б знать могли они, что творилось с Гришею...

Но в том-то и дело, что странники, — крестьяне разных деревень, порешившие не возвращаться домой, пока не решат, кому живет весело-вольготно на Руси, — не знали того, что творится с Гришею, и не могли знать. Стремления нашей радикальной интеллигенции оставались неизвестны и непонятны народу. Ее лучшие представители, не задумываясь, приносили себя в жертву

его освобождению; а он оставался глух к их призывам и иногда готов был побивать их камнями, видя в их замыслах лишь новые козни своего наследственного врага — дворянства».¹

Плеханов, конечно, прав в своих рассуждениях о народниках и народе, но в данном случае важно, как смотрел на эти отношения Некрасов. Равнозначно ли в самом деле «если б знать могли они» и «если б понять могли они»? Ежели такое понимание Некрасов считал безнадежным, зачем ему было вводить в поэму образ Гриши Добросклонова и придавать ему такое значение? Для чего было в дальнейших частях выводить образы друзей народа, если они не могли быть признаны счастливыми судом народных представителей, которым с начала поэмы был поручен этот суд?

Прямые пропагандисты революции не могли иметь тогда успеха в народе, но народники «оседлые», «мирные» — с виду или в самом деле — могли рассчитывать на его сочувствие. И, если Некрасов снял слова о революционном будущем Гриши Добросклонова не только по цензурным соображениям, причиной снятия этих слов могло быть желание не уточнять характера будущей деятельности Гриши Добросклонова — именно потому, что она должна была получить сочувствие и одобрение народа.²

Народник должен был убедить народ в подлинности своего счастья. Я думаю, что просветителю Некрасову не казалось невозможным дать крестьянам почувствовать, какое счастье — работать для счастья людей. Иначе Некрасов не окружил бы юношу, почти мальчика, особенной любовью и уважением крестьян.

Ограничимся этими соображениями о дальнейших замыслах поэта. На гадания о неосуществившихся намерениях писателя историк литературы имеет лишь самое ограниченное право.

---

¹ Плеханов Г. В. Н. А. Некрасов (к 25-летию его смерти). — Цит. по кн.: Некрасов в русской критике. М., 1944, с. 78.

² Н. Н. Скатов, также предполагающий, что Некрасов не только из цензурных соображений зачеркнул «уже на первом этапе работы» упомянутые стихи, объясняет это тем, что Гриша — «обобщенный образ молодости, устремленной вперед, надеющейся и верующей. Он весь в будущем. Отсюда сама его некоторая неопределенность, только намеченность». Стихи о Грише Добросклонове — это «стихи, посвященные новому человеку, человеку будущего, пусть еще неясного» (С к а т о в Н. Н. Народный поэт (Н. А. Некрасов). — В его кн.: Русские поэты. Очерки. М., 1977, с. 41).